

На пути к теории «автономного» сообщества: экс-полярные экономические структуры прибрежного рыболовства на юге России

И.В. ЕРМОЛИН*, П.Э. СУВОРКОВ**

*Илья Васильевич Ермолин – кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РЭУ). Адрес: 117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36; приглашенный научный сотрудник, Школа изучения Земли и окружающей среды, Школа биологии, Университет Лидса, Англия. Адрес: Woodhouse Lane, Leeds LS2 9JT, UK. E-mail: ilyaer31@gmail.com; Ermolin.IV@rea.ru

**Павел Эдуардович Суворков – стажер-исследователь, Институт демографии (ИДЕМ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; исследователь, Институт региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (БФУ). Адрес: 236016, Калининград, ул. Невского, д. 14. E-mail: pavel_suvorkov@mail.ru

Цитирование: Ермолин И.В., Суворков П.Э. (2020) На пути к теории «автономного» сообщества: экс-полярные экономические структуры прибрежного рыболовства на юге России//Мир России. Т. 29. №2. С. 156–178. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-156-178

В статье рассматривается динамика организационных особенностей в «автономных» ресурсодобывающих сообществах юга России. Авторский анализ основан на результатах многолетнего полевого исследования (2012–2019 годов) с применением нескольких методов – интервьюирования, неформальной беседы, прямого и включенного наблюдения, многоместной этнографии. В рамках концепции «автономного» сообщества и экс-полярной экономики выделяются типы социальных групп этих сообществ. На основе производственной специализации также обозначаются типы основной социальной группы «автономного» сообщества – самообеспечиваемого домохозяйства. С начала 1990-х годов усилился процесс маргинализации прибрежного рыболовства, который, в отличие от мировой практики, явился результатом аномии после развала государственной системы социально-экономического и политического регулирования. «Автономизация» стратегий жизнедеятельности и социальной структуры стала ответом локальных сообществ на аномию. Исследование показало, что наиболее развитая система социального взаимодействия в «автономных» сообществах встречается в предгорном Дагестане, обеспечивая максимальную эффективность саморегулятивным практикам посредством деятельности симбиотических структур через каналы родственных сетей и религиозных практик.

Ключевые слова: «автономное» сообщество, осетровое браконьерство, прибрежное рыболовство, государственное регулирование, неформальная экономика, маргинализация, аномия

Введение

«Недостаток контроля над принятием решений по экологическим вопросам со стороны членов местных сообществ оказывает “серьезное влияние как на местную окружающую среду, так и локальные процессы жизнедеятельности”» [Bell, Hampshire, Topalidou 2007, p. 414], что зачастую приводит к уничтожению «разделяемых всеми норм морали» (*shared morality*) среди заинтересованных сторон [Hobsbawm 1965; Scott 1976]. Подобная ситуация сложилась в большинстве постсоциалистических стран – Монголии [Mearns 1996; Sneath 2001], Казахстане, Китае [Robinson et al. 2000], некоторых субъектах России [Millner-Gulland et al. 2001] и т.д., где разрушение этих норм после развала СССР привело к «трагедии общин» [Hardin 1968], а также значительно повлияло на взаимоотношения между локальным сообществом и государством. Достаточно часто государством инициировалось расширение вовлеченности сельских сообществ в инвестиционные процессы [Ichinkhorloo, Yeh 2016] в условиях отказа от прямого государственного вмешательства в коммунальное регулирование, однако этот отказ не всегда и не везде способствовал улучшению ситуации.

Столкнувшись с отсутствием эффективных мер государственного регулирования в 1990-х гг., сельские сообщества создали социальные группы, которые могли бы обеспечить своих членов определенным набором социальных услуг, – созданием рабочих мест, компенсацией нетрудоспособности (временной или полной), помощью малоимущим членам, – при этом исключив из него государственное участие.

Когда государство в начале 2000-х гг. обратило внимание на стратегии жизнедеятельности сельских сообществ, эффективная и устойчивая структура социальных групп уже сформировалась. В силу того, что краеугольным камнем подобных стратегий выступала нелегальная экономическая деятельность членов сообществ, в противодействие ей государство прибегло к введению жестких регулирующих мер. Вопреки желанию регулятора, эти меры привели к адаптации широкого спектра социальных ответов, представленных в различных формах [Ermolin, Svolkinas 2016], что делало практически неэффективной инициацию любой меры государственного регулирования.

Авторы статьи на основе детального исследования паттернов локальной экономики, проведенного И.В. Ермолиным [Ермолин (1) 2019], и изучения изменений в социальной структуре ресурсодобывающих сообществ на юге России концентрируют внимание на описательном анализе данных трансформаций и неформальной экономической деятельности его акторов. Авторы рассматривают процесс возникновения и развития современных экс-полярных структур ресурсодобывающих сообществ трех южных регионов России как ответ на аномию начала 1990-х гг., выделяя разные типы структур в их территориальной специфике. Таким образом, перед авторами стоят две задачи:

- показать развитие процесса маргинализации в прибрежном рыболовстве на Каспии в контексте провалов государственного регулирования;
- выделить типы социальных групп сообществ, возникших в результате развала СССР, в зависимости от территориальной специфики.

Теоретические рамки

В качестве теоретических рамок анализа паттернов локальной экономики и структур сообщества были взяты концепции «автономности» И.В. Ермолина [Ермолин (1) 2019] и экс-полярной экономики Т. Шанина [Shanin 1990; Шанин 1999]. «Автономное» сообщество, часто включающее в себя несколько сельских поселений на относительно небольшой территории, видится здесь как «форма социальной организации индивидов анархистского типа, которая в результате эволюции социальной, экономической и политической систем превратилась в единицу хозяйственного самоуправления на определенной территории, полностью либо частично заменяющей государство в предоставлении социальных и экономических благ, обеспечении контроля над хозяйственной деятельностью и безопасностью своих членов» [Ермолин (1) 2019, с. 86]. Корни «автономности» сообществ постсоветского пространства уходят в начало 1990-х гг., когда развал социально-экономической и политической систем привел к аномии. Ответом на нее и стала «автономность», основанная на новых неформальных институтах¹ [Остром 2010], которые возникли и обрели устойчивость за достаточно короткое время. Социальная структура и структура неформальной экономической деятельности в качестве основы локальных стратегий жизнедеятельности в «автономных» сообществах постсоветской России отражаются как в концепции экс-полярности, так и в концепции «автономности». Хотя Т. Шанин и различал два полюса регулирования – государственную тоталитарную экономику и свободный рыночный обмен, он также выделял структуры, расположенные между этими полюсами, так называемые экс-полярные структуры. Для них характерны концентрация на сопротивлении как основном мотиве экономической деятельности [Ермолин (2) 2019], реализуемом в модели жестких и мягких форм [Ermolin, Svolkinas 2016], и социальная «погруженность» [Шанин 1990] в сельских сообществах, в большинстве своем являющихся «автономными» социальными группами². Сопротивление как мотив отличает данные концепции от подхода К. Харта, описывавшего неформальную экономическую деятельность как возможность для маргиналов обеспечить свое выживание [Харт 1999], или от взглядов Ф. де Сото, видевшего в неформальной экономике попытки индивидов преодолеть бремя административных процедур, которые накладываются на них государством [de Soto 2008].

Структуры экс-полярной экономики подразделяются на три типа [Шанин 1999]:

- самообеспечиваемое (самодостаточное) домохозяйство; является ключевым актором «автономного» сообщества и частью других экс-полярных структур;

¹ Институт определяется как «отрегулированные и повторяющиеся образцы человеческого поведения, основанные на информации, источником которой служат определенные правила, нормы и стратегии, используемые людьми при совершении ими определенных действий» [Остром 2010, с. 37].

² Понятия используются авторами статьи взаимозаменяемо.

следовательно, во многих случаях домохозяйство определяет, что происходит в данный момент в других социальных группах;

- симбиотические структуры³, где самообеспечиваемое (самодостаточное) домохозяйство, локальные управленческие структуры, локальные предприятия являются основными элементами; в некоторых «автономных» сообществах эти структуры влияют на гетерогенность социальной среды; имея дело с симбиотическими структурами, необходимо, однако, понимать, что они не всегда становятся формальными организациями и могут рассматриваться, скорее, как площадка для совместной деятельности [Остром 2010];
- неформальные бизнес-структуры, вовлеченные в теневые рыночные обменные операции; их деятельность определяет экономику домохозяйств.

Следует уточнить, что Т. Шанин выделял и четвертый тип, определяя его в форме родовых и дружественных сетей социальной поддержки, выступающих, в свою очередь, главными составляющими процесса взаимодействия в домохозяйствах. Этот процесс включает в себя три принципа – персонализированную природу взаимодействия, реципрокный характер обмена (в некоторых случаях может дополняться рыночным обменом) и неформальное нерыночное регулирование⁴.

Исследователи допускают, что, возникнув в крестьянской общине в дореволюционный период [Shanin 1972], эти структуры начали особенно бурно развиваться в ответ на состояние аномии, когда сразу после развала СССР государство до предела ослабило воздействие регулятивных мер. С тех пор самообеспечиваемое домохозяйство стало носителем новой социальной культуры в сообществе, дав толчок для возникновения других социальных групп, взаимодействие в которых зиждилось на новом наборе неформальных институтов, при этом реципрокность как механизм начала играть роль связующей нити между разнообразными социальными группами. Во многих сельских местностях постсоветских стран такой набор неформальных институтов способствовал развитию организованного браконьерства (в том числе нелегальной вырубке и экспорта леса) и нелегальной охоты, что форсировало постепенное разрушение местных экосистем.

Авторы утверждают, что неформальные институты, ставшие со стороны сообществ ответом на аномию в результате ухода государства, сгенерировали новую структурную конфигурацию сообщества, способную успешно организовывать процесс нелегальной экономической деятельности таким образом, чтобы внешние регулятивные воздействия не дезорганизовывали сообщество как хозяйственную систему.

Методология

Статья основывается на исследовании «автономных» рыбодобывающих сообществ, расположенных в трех прикаспийских регионах России: Волго-Ахтубинской

³ Под симбиозом сторонники концепции экс-полярной экономики подразумевают как объединение социальных норм сельской взаимопомощи, баланс интересов колхоза и крестьянского двора, так и связь семья/предприятие [Никулин 1998]. Симбиотические структуры в рамках данного анализа включают связи между нелегальными и легальными социальными группами, построенные на основе реципрокно-редистрибутивно-рыночного принципа [Шанин 1999].

⁴ Более подробно сетевые механизмы – реципрокность и неформальное нерыночное регулирование – были рассмотрены в работе Ермолина [Ермолин (1) 2019]. В этой статье представляется важным рассмотреть родовые и дружественные сети с точки зрения координации взаимодействия в социальных группах.

пойме, дельте реки Волга в Астраханской области; прибрежных прикаспийских районах Республики Калмыкия; прибрежных, предгорных и горных районах Республики Дагестан. Исследование проводилось в 2012–2019 гг. и включало в себя полуструктурированное интервьюирование, неформальные беседы, прямое и включенное наблюдение. Часть интервью проводилась в два-три раунда в зависимости от вовлеченности членов конкретного домохозяйства в нелегальную экономическую деятельность. Период многоступенчатого интервьюирования (от трех до четырех лет) определялся таким образом, чтобы охватить социально-экономическую динамику в сообществах и регионах исследования в целом. Поиск респондентов для интервьюирования в разных локальностях велся двумя способами: в Волго-Ахтубинской пойме и на прикаспийской территории Калмыкии использовался метод «снежного кома», основанный на поиске респондентов через заранее установленные контакты в местах исследования; в дельте реки Волги, прибрежной полосе Дагестана, предгорной и горной частях Дагестана применялся рандомный поиск контактов путем первичного обхода домохозяйств, прямого наблюдения на разных площадках деятельности в сообществах.

Всего было проведено 27 полуструктурированных интервью, из них 8 – в Волго-Ахтубинской пойме и дельте реки Волга, Астраханская область, 6 – в Республике Калмыкия и 13 – в прибрежных, горных и предгорных районах Республики Дагестан. Каждое интервью продолжалось от 2 до 4 часов и было построено в форме диалога в рамках социобиографического подхода [Bruner 2004; Рождественская 2012]. В неформальных беседах участвовали 95 чел., интервью с которыми было невозможно в силу отказа респондентов от диктофонной записи. Полевые записки составлялись на основе конспектов бесед. Поскольку осетровое браконьерство и оборот шкур из каспийского тюленя являются уголовно наказуемыми противоправными действиями, все интервью проводились на условиях анонимности⁵.

В 2019 г. один из авторов провел пятимесячное включенное наблюдение (см. [Гурц 2004; Hammersley, Atkinson 1995]) в горных и предгорных районах Дагестана, где основной территорией явилось паттерновое поселение в горной части республики⁶. Другой автор использовал метод многоместной этнографии (см. [Marcus 1995]), перемещаясь между паттерновыми поселениями, расположенными в горной и предгорной области Дагестана.

На пути к маргинализации прибрежного рыболовства в России

Маргинальность (и дальше – процесс маргинализации) прибрежного рыболовства, а именно «его географическая, социально-экономическая и политическая удаленность от лиц, принимающих решения (ЛПР) в главных населенных центрах» [Pauly 1997, p. 3], – явление хорошо известное. Ввиду того, что рыбаки

⁵ Авторы не раскрывают персональных данных респондентов, хронологических и хорологических аспектов осуществления ими нелегальной деятельности.

⁶ Паттерновость отражает более общую картину социально-экономического взаимодействия для конкретного «автономного» сообщества, но в то же время показывает, каким образом в сообществе развивалась карьера членов характерного для данного типа домохозяйства.

обладают низким социальным статусом и ограниченными возможностями получения качественного формального образования, они недостаточно представлены в государственных институциональных образованиях, призванных осуществлять контрольно-надзорные и управленческие функции в сфере их непосредственного интереса. Таким образом, будучи лишенными даже потенциальных возможностей участвовать в принятии значимых для рыболовецкого сообщества решений, акторы становятся весьма уязвимыми для маргинализации, которая приобретает системный характер и в некоторых случаях дает толчок для активизации протестных настроений [Ruddle 2014].

Случай рыбодобывающих сообществ в странах бывшего СССР представляет собой ситуацию быстрой маргинализации, наблюдаемой в условиях отстранения регулятора от прямого поддержания воспроизводства структуры социальных отношений. Во времена Советского Союза все рыбодобывающие сообщества включали в себя рыболовецкие колхозы и совхозы, а также рыбоконсервные заводы. Данная производственно-сбытовая цепочка позволяла жителям прибрежных поселений оставаться трудоустроенными, а семьям получать доход в течение всего года. Более того, местные жители рассматривали работу в рыбодобывающей отрасли как шанс на повышение социального статуса, возможность впоследствии вступить в брак с партнером, уважаемым среди сельчан и имеющим высшее образование⁷.

После распада СССР ситуация кардинально изменилась. Правительство инициировало реформирование сельского хозяйства, имевшее целью заменить колхозы и совхозы небольшими частными фирмами. Множество колхозов потерпели крах или были преобразованы в частные предприятия во главе с бывшими директорами колхозов или их родственниками, которые целенаправленно приводили государственное предприятие к банкротству. К 1998 г., после частичного осуществления сельскохозяйственной реформы, из 28000 колхозов и совхозов относительно эффективно продолжали функционировать только 9600 (35%) [Социальные и экономические индикаторы РФ: 1991–2015]: так, в прибрежной зоне Дагестана в упадок пришли 8 из 10 государственных рыбодобывающих предприятий, и ни один из шести рыбоконсервных заводов не выдержал перемен, что усугубило ситуацию с безработицей, уровень которой на тот момент оказался самой высокой из когда-либо зафиксированных в этом регионе. В результате реформирования местным населением было создано значительное количество компаний среднего и малого бизнеса: уже к 2013 г., в соответствии с данными Министерства сельского хозяйства Дагестана, в рыболовецкой и рыбоперерабатывающей отрасли числились 78 предприятий, и только трети из них имели статус колхоза.

Многие авторы отмечают, что с начала 2000-х гг. государство приняло ряд мер, направленных на улучшение социально-экономической ситуации в тех сельских поселениях России, где земледелие и животноводство составляли основу официальных стратегий жизнедеятельности [Mamonova, Visser 2014; Wegren 2007; Lerman, Shagaida 2007]. Среди них – программы по реструктуризации долгов, учреждение финансируемого государством сельскохозяйственного банка, субсидируемая программа страхования сельскохозяйственных культур, упрощенные системы налогообложения с пониженными ставками, субсидируемые займы для формирования производственных фондов. В дальнейшем эти меры трансформи-

⁷ Женильба рыбака на приезжих учительницах рассматривалась местными как переход в социальную элиту.

ровались в федеральные программы развития сельского хозяйства («Социальное развитие села до 2012, 2013, 2014 годов», позже замененной программой «Устойчивое развитие сельских территорий 2014–2020 годов») в качестве части и следствия национальных проектов («Приоритетный национальный проект “Развитие агропромышленного комплекса”», запущенный в 2006 г.).

Реализуемая государственная политика не оказала значимого влияния на прибрежное рыболовство, предложив лишь несколько вариантов для улучшения ситуации, в которую отрасль попала через имплементацию краткосрочной программы, разработанной Росрыболовством на период 2010–2012 гг. («Развитие малого и среднего бизнеса в рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей промышленности РФ в 2010–2012 годах»), схожих региональных программ и НПА⁸. В отличие от некоторых авторов (см., например, [Nakhshina 2016]), исследователи утверждают, что ситуация в российской рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей промышленности с начала 2000-х гг. не улучшилась. Как и в случае земледелия и животноводства, экономика прибрежного рыболовства представляет собой социально-укорененный феномен [Standal, Sønvisen, Asche 2016; Knudsen 2016], и при разработке государственных проектов необходимо учитывать, что правила экономического управления, легитимированные в рамках регионального и местного рынков, оказывают существенное влияние на социальную структуру и основные принципы функционирования сельских сообществ, включая дружественные и родовые связи, структуру доходов, расходов и долговых обязательств домохозяйств и т.п. Проекты в сфере регулирования прибрежного рыболовства в России эту специфику не учитывали. Можно обозначить ряд ограничений, возникших в результате реализации рассматриваемой регулятивной политики:

- несправедливое распределение квот между предприятиями малого и среднего бизнеса и неравный доступ для сельских жителей к тендерам по распределению квот, предоставляющим право директорам рыбодобывающих предприятий выделять доли квоты своим родственникам или друзьям⁹;
- преимущества юридических лиц по сравнению с индивидуальными предпринимателями при получении субсидий: большинство рыбаков, выступая в статусе индивидуальных предпринимателей или без него, лишены прав на их получение;
- акцент на развитии аквакультуры в ущерб прибрежному рыболовству: сельские жители не имеют возможности реализовать стратегии по расширению прудового хозяйства даже для частичковых пород рыб и вынуждены продолжать традиционную рыбную ловлю;
- более высокие процентные ставки на развитие проектов аквакультуры в сопоставлении с аналогичными для проектов в животноводстве и земледелии; выдача кредитов под проекты в отрасли в значительной степени зависит

⁸ Например, ФЗ-36 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения понятия маломерного судна» 2012 года; ФЗ-166 «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» 2004 года; Правила рыболовства для различных водных бассейнов РФ. Анализ последствий провалов имплементации государственных программ подробнее см.: [Ermolin, Svolkinas 2016].

⁹ Подобная система позволяет директорам диктовать условия получения доли квоты: рыбаки обязаны покупать оборудование, включая моторы, снасти, бензин и т.п., на собственные средства, что делает рыбный лов нерентабельным и способствует переходу рыбаков либо на мягкие, либо на жесткие формы нелегальной деятельности [Ermolin, Svolkinas 2016].

от возможности их лоббирования инициаторами как на уровне местной и региональной администрации, так и на уровне привлекаемых к кредитованию организаций; таким образом, финансирование проектов, направленных на развитие аквакультуры и прибрежного рыболовства, осуществляется по остаточному принципу;

- в отличие от субсидируемых программ страхования сельскохозяйственных культур в земледелии, в прибрежном рыболовстве к настоящему времени не было зафиксировано попыток увеличить закупочные цены на сырье, поступающее напрямую от рыбаков, для официальных рыбоперерабатывающих артелей и заводов; подобные меры помогли бы рыбакам компенсировать расходы на покупку оснащения для рыбной ловли и на обновление старого оборудования.

В 1990-х гг. ситуация, когда государство оставило прибрежное рыболовство в сельских поселениях на обочине политических интересов, вынудила местное население в различных регионах РФ искать собственные стратегии выживания, основанные в том числе и на интенсивном ННН (незаконном, несообщаемом и нерегулируемом) промысле наиболее ценных промысловых видов рыб. Такие стратегии способствовали росту организованного браконьерства и нелегального рынка биоресурсов в большинстве регионов России: так, в 1999–2004 гг. на Дальнем Востоке России нелегальные уловы морского ежа были в два раза выше, чем легальные [Жариков 2004], различных видов краба – в четыре раза [Illegal Russian Crab 2014], тихоокеанского лосося и нерки – в полтора раза [Шевляков 2013]. На этом фоне нелегальные выловы каспийских осетровых являлись одними из самых высоких и превышали легальные в 35 раз [Bobyrev, Burmensky, Kriksunov, Shatunovskij 2009; Бабаян, Васильев, Булгакова 2014], порождая большой объем прилова каспийского тюленя [Dmitrieva et al. 2013; Ermolin, Svolkinas 2018].

Чрезвычайно высокие рыночные цены на продукты из осетровых (до 10 тыс. долларов за 1 кг икры белуги), шкуры и жир тюленя (до 60 долларов за необработанную шкуру сиваря) стали причиной создания в прикаспийских прибрежных сообществах «осетровых» бригад для вылова ценных биоресурсов на организованной основе [Ermolin, Svolkinas 2016].

«Автономия» как реакция на аномию. Типы социальных структур экс-полярной экономики: описательный анализ

Типы самообеспечиваемых домохозяйств

Во многом различия в структуре домохозяйств вызваны прежде всего особенностями их производственной системы, а также степенью гетерогенности социальной среды конкретного поселения, многонациональностью, присутствием в рамках организации социальных отношений устойчивых неформальных нормативных систем, имеющих многоступенчатую структуру. Исходя из вышесказанного, в исторической перспективе можно выделить четыре типа самообеспечиваемых домохозяйств:

- домохозяйство, где муж совместно с женой заняты нелегальной экономической деятельностью; дети проживают в большинстве случаев отдельно за пределами «автономного» сообщества и могут заниматься как легальной, так и нелегальной деятельностью (встречается в Волго-Ахтубинской пойме, предгорных, горных и прибрежных поселениях Дагестана);
- домохозяйство по типу семейной фирмы, где в процесс производства вовлечены представители всех поколений, в некоторых случаях обеспечивая функционирование всей производственно-сбытовой цепочки рынка [Reuter 1985] (преобладает в сообществах дельты реки Волга, предгорного и горного Дагестана);
- представители отдельных домохозяйств, участвующие в нелегальной экономической деятельности других домохозяйств; поскольку эта деятельность является источником доходов домохозяйства индивида, то целесообразно выделить это явление в отдельный тип (часто встречается в прибрежном Дагестане и Калмыкии); представители домохозяйства-донора не становятся членами домохозяйства-реципиента рабочей силы, они лишь нанимаются на работу; в данном случае отдельным типом домохозяйства является домохозяйство-донор;
- четвертый тип можно назвать диффузным домохозяйством, поскольку этот тип порождает неформальные бизнес-структуры, вовлеченные в теневые рыночные обменные операции и, соответственно, приобщает к незаконному предпринимательству всех членов домохозяйства, постепенно образуя единое целое; отличие этого типа от второго заключается в том, что семейная фирма не образует какие-либо производные структуры, входящие в состав домохозяйства, но занимающиеся экономической деятельностью по отдельным правилам.

Первый, самый многочисленный тип домохозяйства получил распространение в Волго-Ахтубинской пойме, прибрежном Дагестане и «автономных» поселениях горного и предгорного Дагестана, причем в пойме – с конца 1980-х гг. Развал структуры занятости в горном и предгорном Дагестане, в основном состоявшей из колхозов и совхозов, однако, не означал прекращения практик традиционных ремесел, из которых наиважнейшим было скорняжничество (обработка шкур и производство различных моделей шапок). Более того, с начала 2000-х гг. нелегальный оборот шкур каспийского тюленя стал одним из основных источников ремесла (но не традиционным) [Ермолин (1) 2019; Ermolin, Svolkinas 2018]. Устоявшийся тип семьи, подкрепляемый нормами ислама (как суннитского, так и салафитского толков), не позволял вовлекать женщин в какое-либо материальное производство, таким образом обуславливая статус домохозяйки, отвечающей за реализацию бюджета. Развитие рынка шкур и шапок поставило эту ролевую интерпретацию под вопрос, и на плечи женщин легли разработка дизайна новых изделий и пошив шапок.

Аналогичным образом шло становление системообразующей деятельности домохозяйства данного типа на севере прибрежного Дагестана, где «автономное» сообщество приняло наиболее законченные формы. Редким и ликвидным видом биоресурсов на Каспии в течение 1990-х – первом десятилетии 2000-х гг. можно считать мясо и икру рыб осетровых пород; с начала 2000-х гг. важное место в бюджетах домохозяйств заняли жир и шкуры каспийского тюленя, которые в сыром виде поставляются для выделки и производства изделий в предгорные и горные

районы республики. После вылова и доставки на берег рыбное сырье поступает на дворы домохозяйств и проходит кустарную переработку (сушку, копчение, соление и т.п.). Готовая рыбная продукция реализуется женами рыбаков, в том числе, получающими данную продукцию, в счет частичной оплаты работы мужей в «осетровой» бригаде и посредством бартера рыбы частиковых пород, пойманной мужьями в рамках выданной лицензии на вылов в официальных артельных бригадах. Очевидно, что большая часть рисков в реализации нелегальной продукции приходится на этих женщин, которых начали «сдавать» правоохранительным органам женщины-конкуренты ввиду роста дефицита мяса и икры осетровых. Тем не менее местное сообщество предпринимает попытки пресекать прецеденты реального уголовного преследования по серьезным статьям посредством саботажа – блокируя дороги регионального и федерального значения, дезорганизуя работу районных МВД, устраивая поджоги на пограничных заставах и т.п.¹⁰ Женщины (как правило, жены рыбаков) находят клиентов в крупном городе и поддерживают уже налаженные каналы сбыта продукции. Отдельным социальным феноменом на побережье можно назвать вдов рыбаков, погибших в море (либо утонувших, либо застреленных пограничниками Казахстана). Во многом, являясь матерями-одиночками, такие женщины становятся объектом тухумной (родовой) системы социальной взаимопомощи, в которой братья погибших супругов берут на себя роль мужа.

Исследование показало, что в Волго-Ахтубинской пойме сельские жители традиционным ремеслом не занимаются, однако «автономные» производственная и социальная инфраструктуры в этих поселениях развиты лучше, чем в горных и предгорных поселениях. Любительское браконьерство одиночек практиковалось по всей нижней Волге еще в конце 1980-х гг. [Ермолин (3) 2019], а к середине 1990-х гг., с развалом инфраструктурной экономики, оно оформилось в полноценный (и единственный) источник жизнедеятельности для многочисленных домохозяйств. Речные браконьеры предпочитали работать поодиночке, хотя и находились в рамках широких контекстуальных сетей, не ограниченных территорией. Как бы то ни было, но уже к началу 2000-х гг. стало понятно, что процесс сбыта продукции (прежде всего черной икры) требует хорошо налаженных связей в силовых структурах и среди покупателей: так сложились брачные союзы, где производственно-сбытовая цепочка была замкнута на мужчине (муже) – поставщике биоресурса, женщине (жене) – посреднике, а также нередко и на «связующем звене» в диалоговом процессе поиска компромиссов между домохозяйством и правоохранительными органами.

Второй тип домохозяйства представляет собой тип семейной фирмы, где ее членами обеспечивается функционирование всей производственно-сбытовой цепочки. Лучшим примером такого домохозяйства может служить модель домохозяйств, распространенных в горном и предгорном Дагестане и организованных в границах родовой группы. В большинстве случаев мужчина выступает главой домохозяйства, а коммуникации между всеми остальными членами определяются наличием сильных родовых связей. При этом необходимо отметить, что и члены различных домохозяйств в «автономных» сообществах горного и предгорного Дагестана приходится друг другу дальними или близкими родственниками, поскольку

¹⁰ Женщинам, попавшимся с поличным на постах при выезде из поселений, всегда устанавливают условный срок наказания.

здесь родовые браки – явление широко распространенное. Эта традиция сформировалась давно и не поощряет заключение браков членами сообщества с представителями идентичной этнической группы, но проживающих в других поселениях¹¹. В домохозяйствах второго типа роль женщин сохраняет традиционные черты, поскольку доход обеспечивают другие члены домохозяйства. Скорняжничество в них приобретает мультифункциональную направленность: разные по стилю шапки производятся конкретными членами семьи, затем посредством ранее установленных главой домохозяйства контактов готовые изделия поступают на рынки соседних поселений. Особый интерес представляет ситуация в горном районе исследования, где сформировалась широкая сеть производственно-сбытовых цепочек, в которой одна цепочка включает в себя домохозяйства из разных поселений, приобретших производственно-сбытовую специализацию. Например, в одном поселении преобладающей деятельностью может быть первичная обработка шкур и их заготовка, в другом – выделка и окраска, в третьем – оптовая и розничная торговля.

С начала 2000-х гг. и вплоть до 2015 г. домохозяйства поселений горных районов, специализирующиеся на скорняжничестве, в закупку шкур тюленя и логистику не инвестировали. Шкуры-сырье в домохозяйства поступали обычно по договоренностям с домохозяйствами других поселений региона с целью производства (пошива или поклейки) меховых изделий. В рамках этой модели домохозяйствами-владельцами шкур самостоятельно организовывался сбыт готовой продукции из меха, а скорняжникам-кустарям выплачивалась относительно фиксированная ставка за каждую отдельную производственную операцию. После 2015 г. поставки шкур из предгорного района, в которые ранее были вовлечены домохозяйства, выступавшие посредниками между непосредственно участвовавшими в промысле домохозяйствами и скорняжниками горных районов, стали избавляться от звеньев, напрямую не принимавших участие в заготовительно-производственном процессе.

Центральное поселение предгорного «автономного» сообщества и центр обработки и транспортировки шкур в горные поселения имеют собственную историю образования, отличную от других подобных поселений. Основное население идентифицирует себя с выходцами из горных районов, чьи родители были депортированы в период Великой Отечественной войны на территорию Чечни, а по возвращении чеченцев из мест депортации – в местность их современного расселения. Интересной чертой социальной структуры такого поселения можно назвать сохранение со времен пребывания в горных районах традиционной структуры домохозяйств и семейных отношений, которыми, в частности, подразумевается невозможность для женщины появляться на улице в обществе мужчины (в редких случаях женщины могут покидать дом с мужем или с отцом), а мужчины, соответственно, – в обществе женщины¹². Подобная традиционность сказалась и на роли женщины в кустарном производственном процессе: в отличие от первого типа домохозяйства женщины не задействованы в кустарном производстве, заняты домашним хозяйством и выполняют некоторые работы в рамках ЛПХ. Последнее время в данном типе домохозяйства в горных районах отмечается тенденция межпоколен-

¹¹ О подобной тенденции в северных регионах РФ упоминает А.А. Позаненко [Позаненко 2018]. Представляется, однако, что указанная тенденция имеет характер необходимости в связи с пространственной изоляцией, но не традиции.

¹² Например, местное кафе работает до 23.00 для женщин, а после 23.00 – для мужчин.

ческого разрыва на начальном этапе. Если некоторые авторы упоминали данный факт в связи с особенностями религиозной трансформации на Кавказе (проблема исламской радикализации) [Стародубровская 2015; Стародубровская 2016], то в случае проведенного авторами исследования разрыв был обусловлен отказом детей от традиционного ремесленного дела и их миграцией в города.

Третий тип домохозяйства отличается от остальных наличием в своем составе отдельного представителя, участвующего в нелегальной экономической деятельности других домохозяйств или организованных групп индивидов. Этот тип встречается практически повсеместно в исследованных сообществах, однако наибольшее распространение получил в Калмыкии, горном Дагестане и особенно в прибрежном Дагестане. В Калмыкии до конца 2000-х гг. была развита рыболовецкая практика в бригадах, состоявших из одноклассников – молодых людей, едва достигших 16-летнего возраста. Подобный феномен социализации наблюдается и в «родовых» бригадах прибрежного Дагестана; схожие явления этого типа домохозяйства – занятость азербайджанцев по «неформальному контракту» в «осетровых» бригадах северного прибрежного Дагестана¹³ и работа помощников в семейных фирмах горного Дагестана.

Наконец, четвертый тип домохозяйства, который авторы назвали диффузным, пожалуй, самый сложный по своей структуре, распространен в прибрежном Дагестане, где является наиболее значимым с точки зрения локальной экономики, и в дельте реки Волга. Как было упомянуто выше, основное отличие четвертого типа от второго – способность создавать производные социальные группы, которые занимаются нелегальной рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей деятельностью, однако само домохозяйство в таком случае может быть частью производственного процесса. В прибрежном Дагестане диффузия проявляется в интеграции домохозяйством таких неформальных бизнес-структур, как родовая (тухумная) «осетровая» бригада¹⁴, и в меньшей степени – интернациональная бригада (где сочетается с третьим типом домохозяйства)¹⁵, а также в создании собственных копильных цехов в подворьях, тесно связанных с торговлей на «бирже»¹⁶ и в крупных городах. Интеграционная функция диффузного домохозяйства получила непосредственное развитие с середины 1990-х гг., когда, пользуясь языком концептуальных схем К. Поланьи, формы рынка и обмена тесно переплетались в местной ресурсной экономике [Поланьи 2002]: домохозяйство регулировало экономическую деятельность других социальных групп в большей степени в русле удовлетворения внутреннего потребительского спроса членов домохозяйств на мясо и икру осетровых и в меньшей степени – на товарное производство копченой продукции. Постепенное снижение роли обменных операций начиная с середины 2000-х гг., будучи следствием сокращения ННН-промысла осетровых, привело к главенству

¹³ Подробнее: [Ermolin, Svolkinas 2018].

¹⁴ Родовая (тухумная) «осетровая» бригада состоит из представителей (одной родовой структуры) определенной этнической группы.

¹⁵ Интернациональная бригада включает в свой состав рыбаков с разным этническим бэкграундом. Костяк составляют представители одного домохозяйства, владелец (член домохозяйства) нанимает для выполнения работы в море представителей данной этнической группы либо иностранцев.

¹⁶ Нелегальный рынок, где продавцы (в основном женщины) специализируются на продаже осетровых и частичковых пород рыб.

рыночных паттернов поведения. Деятельность домохозяйств частично диверсифицировалась (добыча и переработка шкур и жира каспийского тюленя), некоторые из них трансформировались в первый тип, при этом получая и инвестируя капитал, заработанный членами домохозяйств в трудовой миграции в районах Крайнего Севера; возник институт посредничества [Ермолин (1) 2019].

Родовые и дружественные сети социальной поддержки

Существует большое количество исследований, посвященных анализу понятий «род» и «родовые отношения» во всем их многообразии (см., в частности, более подробно: [Peletz 1995]) и процессам взаимодействия в дружественных сетях [Wasserman, Galaskiewicz 1994]. В социологической и антропологической литературе традиционно принято рассматривать родовые отношения как характерный признак социально-культурной системы Дагестана [Карпов, Канустина 2011]. Тем не менее традиционная структура родовых отношений, присущая горным обществам Дагестана XIX – середине XX в., сохранилась только в «автономном» сообществе предгорного поселения¹⁷ и интересна тем, что при всей своей закрытости родовые группы отошли от традиционного восприятия рода по «крови» и «почве». Все большее число повторных браков заключается с членами других «автономных» сообществ района или даже других национальностей; растет уже упоминавшийся ранее межпоколенческий разрыв, обусловленный не только миграцией и отказом от преемственности в традиционном для сообщества ремесле, но и перестройкой моральных установок при сохранении социальных нормативов, присущих сообществу, что подтверждается постоянной поддержкой не столько гардашных (узкородственных), сколько тухумных (широкородственных) связей. Так, например, анализ ситуаций включенного наблюдения показал, что влияние женщин в первом типе домохозяйства на процесс принятия решений по всем сферам жизнедеятельности (в том числе и в миграции) постоянно возрастает благодаря их полноценной вовлеченности в процесс создания товара и совершенствования его дизайна. Женщины часто оказывались «победителями» в спорах с мужчинами о будущем детей, поддерживая их решение о трудовой миграции в другие регионы страны либо в административный центр.

В прибрежном Дагестане при очевидной значимости родственных отношений важное место занимают сети одноклассников, что объясняется гораздо более мультиэтнической социальной средой в локальностях, которая часто создает этнические оппозиции по ключевым стратегическим вопросам социально-экономического развития внутри поселений¹⁸. Поскольку такие социальные группы, как «осетровая» бригада или артель, являются наряду с домохозяйством ячейкой первичной

¹⁷ Представляется, что особое место в поддержании такой структуры занимают нормы радикального ислама и влияние джамаата (религиозной общины), способствующие не развитию межпоколенческого разрыва [Стародубровская 2015; Стародубровская 2016], а его преодолению.

¹⁸ Наиболее важным среди таких вопросов является вопрос распространения аквакультурных хозяйств. Одна этническая группа (большинства) выступает за сохранение практик традиционного рыболовства, другая (меньшинства) – за развитие разных типов аквакультуры и постепенную замену ими традиционного рыболовства.

социализации, одноклассникам или ровесникам легче создавать и поддерживать подобного рода связи в течение длительного периода (исключением остаются «родовые» бригады ногайцев). Схожая тенденция наблюдается и в прибрежной Калмыкии, причем даже после исчезновения массового нелегального рыболовства (с конца 2000-х гг.) вследствие перекрытия Пограничной службой РФ выхода байд на вылов и обмеления моря.

В дельте реки Волги и сообществах Волго-Ахтубинской поймы влияние дружественных сетей выражается локальной категорией «братство», отражающей социально-культурный контекст взаимодействия. Сущность «братства» описывается респондентами следующим образом: «*Что хочешь, оставишь на берегу, никогда в жизни рыбак у рыбака ничего не возьмет, это принадлежит братству*»; «*С детства нас родители приучили помогать. Вот мы и помогаем в море, то мотор сломается, то бензин нужен или что-то другое. Даешь*»; «*Если бы я попал в “казахский плен”¹⁹ <...> помогли бы выкупить меня, не все рыбаки, только знакомые, но знакомых много. Рыбаки к деньгам просто относятся. Мы все равны, никакой иерархии: пусть ему 60, а мне 30, его по кличке зовешь также, никаких возрастных ограничений*» (М., 41 год, 2012 г.).

Таким образом, категория «братства» воплощает основные характеристики дружественных сетей, вместе с тем знаменуя конкретный этап социализации рыбаков, зависящий от конкретных исторических событий. Дружественные сети порождают возникновение различных дилемм восприятия в результате процесса социализации – «свой–чужой», «нелегальное–легальное» и т.п. Во многих случаях эти дилеммы схожи с тем, что можно видеть в социальной среде родовых отношений.

Симбиотические структуры

Симбиотические структуры в зависимости от исследованных локальностей включают в себя артели (и производные от них причалы) и турбазы в прибрежных «автономных» сообществах всех трех регионов, джамаат (сельская религиозная община) и имамаат в Дагестане, органы управления поселений «автономий». Отдельной категорией следует рассматривать официальные рыбные рынки в крупных городах, являющиеся одними из площадок сбыта продукции сообществ.

«Владельцами» артелей становятся либо местные жители (в случае с Дагестаном), либо московские предприниматели (в случае с артелями и причалами дельты реки Волга в Астраханской области²⁰). В Дагестане, в отличие от дельты реки Волги, артели были основаны в конце 2000-х гг. с подачи республиканских властей, пытавшихся возродить прибрежное рыболовство. Однако в большинстве

¹⁹ Локальное название тюремного заключения в Казахстане (об операции и реципрокных механизмах выкупа см. в: [Ермолин (1) 2019].

²⁰ Неформально владелец в таких артелях есть, но формально артель включает в себя рыбаков в статусе ИП. Здесь как раз подразумевается неформальная составляющая: данные лица участвуют от артели в тендерах по распределению рыболовецких участков, сдают в аренду рыбакам оборудование для рыбной ловли и т.п. Таким образом, понятие «владелец» здесь отражает скорее социальный, чем формальный статус.

сообществ они оказались под управлением представителей национальных меньшинств, поощряющих нелегальную деятельность и воспринимающих биоресурсы как свою собственность (образ государства как врага). Экономическая составляющая в этих артелях совмещает в себе официальную рыбодобывающую деятельность членов сообщества и неофициальную (например, сдача улова частиковых пород рыб «налево», не согласованная с владельцем артели и большая по объему выемка рыбы для нужд домохозяйства и т.п.), отражая тем самым симбиотическую связь домохозяйства и артели.

Отдельный интерес представляют принадлежащие официально организованным рыболовецким артелям причалы, на которых швартуются и лодки «осетровых» бригад, выходящих в «рейсы» по ночам под лицензией прогулочных катеров. Помимо законной приемки, рыбаки официальных бригад сдают уловы «налево», в основном на «биржу»; особо ценные уловы «осетровых» бригад (мясо осетровых и икра) уходят к посредникам для дальнейшей перепродажи в торговых точках крупных городов²¹.

Джамаат и имамат традиционно сильны в предгорном и горном Дагестане. Первый, особенно в предгорье, принимает форму тотальной мобилизации на защиту традиционного промысла: в предгорье особенно влиятельна оппозиция джамаата главе сельской администрации, принимающая как мягкие, так и жесткие формы сопротивления [Scott 1976; Ermolin, Svolkinas 2016]. При этом в отличие от горного сообщества, оппозиционность джамаата поддерживается местным имамом, обладающим большим авторитетом среди местных жителей, чем глава администрации.

Неформальные бизнес-структуры, вовлеченные в теневые рыночные обменные операции

Собственно, к таким социальным группам в сообществах относятся «осетровые» бригады (Дагестан, Калмыкия, дельта Волги) и «биржа» в прибрежном Дагестане. Количество «осетровых» бригад обоих типов (родовой и интернациональной) постоянно меняется: в 2007 г. по всему каспийскому водному бассейну насчитывалось 2130 лодок (примерно 700 бригад) [Strukova, Guchgeldiyev 2010], в 2009 г. их число сократилось до 400 бригад [Dmitrieva et al., 2013], а в 2013–2014 гг. только на побережье Дагестана было уже зафиксировано до 1000 лодок (примерно 330 бригад) [Ermolin, Svolkinas 2016]. Колесания в численности бригад могут быть объяснены как сокращением уловов осетровых, ростом затрат на выход в море, так и особенностями комплектования их состава.

Категоризация состава бригад унаследована со времен советских колхозов [Ермолин (1) 2019; Ермолин (3) 2019]. Она включает в себя владельца лодок (байд), рулевого (капитана), «абрикосов» (помощников рулевого) и «полтинника»²². Рулевой, как и «абрикосы» не вкладываются в бизнес, а получают свой процент

²¹ С середины 2000-х гг. процедуры такой перепродажи усложнились: из-за резкого сокращения популяции осетровых посредники либо ушли с рынка, либо переквалифицировались на перепродажу шкур тюленя.

²² Делят расходы и доходы от рыбодобывающей деятельности пополам вместе с владельцем оборудования, то есть фактически «полтинники» являются совладельцами [Ермолин (1) 2019, с. 93].

от проданного владельцем улова, при этом «абрикосы» не несут никакой ответственности за имущество в «рейсе». Механизм редистрибуции играет более значимую роль в родовых бригадах, тогда как реципрокность служит основным регулятором взаимоотношений в интернациональной бригаде, что сказывается среди прочего и на обороте долговых обязательств.

Наконец, «биржа» (место продажи/покупки рыбной продукции) состоит из женщин – жен и вдов рыбаков, торгующих рыбой и тюленьим жиром; арендную плату собирает старшая из женщин, которую выбирают из числа продавщиц. Отношения между ними характеризуются респондентами как «социально равные», что выражается в регулировании цен на рынке и в так называемой «черной» кассе, когда каждая из продавщиц, вложивших деньги в кассу, получает право сорвать «джек-пот». Суть «черной» кассы одна из работниц «биржи» объясняет следующим образом: *«Играют только женщины, нас пять человек, это минимальное количество. Мы складываемся по пять тысяч рублей, и у нас один месяц выигрывает одна, а в следующем месяце другая имеет право воспользоваться кассой [сорвать «джек-пот»]. Я кредит не могу и не хочу брать, и я могу воспользоваться кассой. Я могу в этом месяце до 25 числа взять, но в следующем до 25 числа все должна вернуть»* (Д., 31 год, 2013 г.). Механизм «черной» кассы представляется одним из вариантов социальной поддержки внутри сообщества, олицетворяющей механизм генерализованной реципрокности²³ [Салинс 1999]. В ситуации, когда низкий уровень официальной занятости населения в поселениях «автономных» сообществ не позволяет рассчитывать на обращение к банковскому кредиту, вышеописанный реципрокный механизм обеспечения сообществом социальных гарантий, в тоже время выступающий своеобразным механизмом перераспределения доходов домохозяйств, становится способом удовлетворения растущих потребностей местного населения.

Заключение

В настоящей статье авторы рассмотрели процесс маргинализации прибрежного рыболовства России и организационную структуру «автономных» сообществ южных прикаспийских регионов РФ. В отличие от других стран, маргинализация в России характеризуется стремительным деклассированием (потерей престижа в обществе) рыбаков и отстранением их от исполнения контрольно-надзорных и управленческих функций в рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей сферах экономики. Реформы начала 1990-х гг. не принесли сколько-нибудь позитивных результатов, что вылилось в формирование особой формы социальной организации – «автономного» сообщества. Авторы выделили три типа социальных групп внутри таких сообществ – самообеспечиваемое домохозяйство, симбиотические структуры и неформальные бизнес-структуры, среди которых основное место занимает самообеспечиваемое домохозяйство, в свою очередь подразделяемое авторами на четыре типа в зависимости от производственной составляющей. Наиболее

²³ Генерализованная реципрокность – обмен, при котором дар предоставляется без ожидания немедленного получения чего-либо взамен.

развитые «автономные» сообщества располагаются в Дагестане и включают в себя все типы домохозяйств и разнообразные симбиотические и неформальные бизнес-структуры. Их деятельность поддерживается сетями родственной и дружественной поддержки, построенными на реципрокных и редистрибутивных механизмах взаимодействия, что позволяет достичь максимальной «автономии» в саморегулировании. Как бы то ни было, даже успешная «автономность» существования таких сообществ, будучи продуктом постаномической динамики [Ермолин (2) 2019], построенная на широком спектре неформального ресурсодобывающего и ресурсоперерабатывающего производства и сбыта, ведет к «дилемме одного выстрела» [Harrington 1995] для локальной экосистемы в колее трагедии общин. Описанные ситуации характерны для многих регионов постсоветского пространства, удаленных от федерального и региональных центров [Позаненко 2018; Davydov 2014]. В некоторых сообществах преобладает более развитая структура социальной организации, опирающаяся на чередование форм сопротивления [Ermolin, Svolkinas 2016], в других – мягкая либо жесткая форма сопротивления.

Дальнейшие исследования стратегий жизнедеятельности и динамики социальной структуры «автономных» сообществ могут быть сосредоточены:

- на процессах социализации в разных социальных слоях сообществ, которые способствуют формированию стиля жизни, не позволяющему молодым членам успешно адаптироваться за пределами сообществ;
- на демографических последствиях «автономности», допускающих существование большого процента замкнутых родовых браков, что может приводить к определенным последствиям для генетического разнообразия среди членов сообществ и к интенсивной передаче детям рецессивных признаков, обуславливающих высокий уровень заболеваемости наследственными болезнями, а также быть следствием криминальной экономической активности в сообществах, позволяющих сохранять «хозяйственную» замкнутость в условиях социально-политической нестабильности в регионе.

Литература

- Бабаян В.К., Васильев Д.А., Булгакова Т.И. (2014) Оценка объемов неучтенного вылова // Труды ВНИРО. № 151. С. 18–26.
- Гирц К. (2004) Интерпретация культур. М.: РОССПЭН.
- Ермолин И.В. (1) (2019) Предумышленный прилов Каспийского тюленя и развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане: экономико-социологический подход // Экономическая социология. Т. 20. № 1. С. 83–123.
- Ермолин И.В. (2) (2019) Феномен «сопротивления»: от спонтанного проявления к комплексным ответам // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 4. С. 141–165.
- Ермолин И.В. (3) (2019) Исторический контекст развития осетрового браконьерства и проблема прилова каспийского тюленя (*Pusa caspica*) на Каспии (дельта Волги и Республика Дагестан, 1990–2000 гг.) // Десятая международная конференция «Морские млекопитающие Голарктики». Сборник научных трудов. Т. 1. М. С. 112–121.
- Жариков В.В. (2004) Динамика уловов в районах промысла и современная структура японского рынка морского ежа и продуктов его переработки // Известия ТИНРО. № 138. С. 97–119.

- Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. (2011) Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в 20 – начале 21 веков: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Никулин А.Н. (1998) Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Заславская Т.И. (ред.) Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М.: Дело. С. 218–230.
- Остром Э. (2010) Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН.
- Позаненко А.А. (2018) «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Т. 27. № 4. С. 31–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55
- Поланьи К. (2002) Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя.
- Рожественская Е.Ю. (2012) Биографический метод в социологии. М.: ВШЭ.
- Салинс М. (1999) Экономика каменного века. М.: ОГИ.
- Сото Э. де (2008) Иной путь. Экономический ответ терроризму. М.: Социум.
- Стародубровская И.В. (2015) Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации // Экономическая политика. Т. 10. № 3. С. 68–88.
- Стародубровская И.В. (2016) Социальная трансформация и межпоколенческий конфликт (на примере Северного Кавказа) // Общественные науки и современность. № 6. С. 111–124.
- Социальные и экономические индикаторы РФ: 1991–2015 // Федеральная служба государственной статистики // http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016
- Харт К. (1999) Неформальные доходы и городская занятость в Гане // Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос. С. 532–537.
- Шанин Т. (1990) Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. № 8. С. 109–115.
- Шанин Т. (1999) Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос. С. 11–32.
- Шевляков Е.А. (2013) Структура и динамика нелегального берегового промысла тихоокеанских лососей в камчатском регионе в современный период // Рыбное хозяйство. № 2. С. 58–64.
- Bell S., Hampshire K., Topalidou S. (2007) The Political Culture of Poaching: a Case Study from Northern Greece // Biodiversity and Conservation, vol. 16, no 2, pp. 399–418.
- Bobyrev A.E., Burmensky V.F., Kriksunov E.A., Shatunovskii M.I. (2009) Biotic Community of the Northern Caspian Sea: Problems of Biological Resources Management // Uspekhi Sovremennoj Biologii, vol. 129, no 6, pp. 598–609.
- Bruner J. (2004) Life as Narrative. Social Research // International Quarterly, vol. 71, no 3, pp. 691–710.
- Davydov V. (2014) Fishery in ‘Free Spaces’: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village // Polar Record, vol. 50, no 4, pp. 379–390.
- Dmitrieva L. et al. (2013) Assessment of Caspian Seal By-Catch in an Illegal Fishery Using an Interview-Based Approach // PLOS ONE, vol. 8, no 6, pp. 1–7.
- Ermolin I., Svolkinas L. (2016) Who Owns Sturgeon in the Caspian? New Theoretical Model of Social Responses towards State Conservation Policy // Biodiversity and Conservation, vol. 25, no 14, pp. 2929–2945.
- Ermolin I., Svolkinas L. (2018) Assessment of the Sturgeon Catches and Seal Bycatches in an IUU Fishery in the Caspian Sea // Marine Policy, vol. 87, pp. 284–290.
- Hammersley M., Atkinson P. (1995) Ethnography: Principles and Practice, London: Routledge.
- Hardin G. (1968) The Tragedy of the Commons // Science. New Series, vol. 162, no 3859, pp. 1243–1248.
- Harrington J.E. (1995) Cooperation in a One-shot Prisoners’ Dilemma // Games and Economic Behavior, vol. 8, no 2, pp. 364–377.
- Hobsbawm E.J. (1965) Primitive Rebels, New York: W.W. Norton & Co.
- Ichinkhorloo B., Yeh E.T. (2016) Ephemeral ‘Communities’: Spatiality and Politics in Rangeland Interventions in Mongolia // Journal of Peasant Studies, vol. 43, no 5, pp. 1010–1034.

- Illegal Russian Crab: An Investigation of Trade Flow (2014) // WWF Arctic Field Program Report // <https://www.worldwildlife.org/publications/illegal-russian-crab-an-investigation-of-trade-flow>
- Knudsen M. (2016) Poverty and Beyond: Small-Scale Fishing in Overexploited Marine Environments // *Human Ecology*, vol. 44, no 3, pp. 341–352.
- Lerman Z., Shagaida N. (2007) Land Policies and Agricultural Land Markets in Russia // *Land Use Policy*, vol. 24, no 1, pp. 14–23.
- Mamonova N., Visser O. (2014) State Marionettes, Phantom Organizations or Genuine Movements? The Paradoxical Emergence of Rural Social Movements in Post-socialist Russia // *Journal of Peasant Studies*, vol. 41, no 4, pp. 491–516.
- Marcus G. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-sited Ethnography // *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 95–117.
- Mearns R. (1996) Community, Collective Action and Common Grazing: The Case of Post-socialist Mongolia // *Journal of Development Studies*, vol. 32, no 3, pp. 297–339.
- Milner-Gulland E.J., Kholodova M.V., Bekenov A., Bukreeva O.M., Grachev I.A., Amgalan L., Lushchekina A. (2001) Dramatic Declines in Saiga Antelope Populations // *Oryx*, vol. 35, no 4, pp. 340–345.
- Nakhshina M. (2016) Constraints on Community Participation in Salmon Fisheries Management in Northwest Russia // *Marine Policy*, vol. 74, pp. 309–315.
- Pauly D. (1997) Small-scale Fisheries in the Tropics: Marginality, Marginalization and Some Implications for Fisheries Management // *Global Trends: Fisheries Management*. American Fisheries Symposium 20, Bethesda (eds. Pikitch E.K., Huppert D.D., Sissenwine M.P.), MD, pp. 40–49.
- Peletz M. (1995) Kinship Studies in Late Twentieth – Century Anthropology // *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 343–372.
- Reuter P. (1985) *The Organization of Illegal Markets: An Economic Analysis*. NIJ Research Report, Washington, DC: National Institute of Justice; US Department of Justice.
- Robinson S., Finke P., Hamaan B. (2000) The Impacts of De-collectivisation on Kazakh Pastoralists: Case studies from Kazakhstan, Mongolia and the People's Republic of China // *Journal of Central Asian Studies*, vol. 4, no 2, pp. 2–34.
- Ruddle K. (2014) Tropical Small-scale Fisheries – Some Interwoven Issues // *SPC Traditional Marine Resource Management and Knowledge Information Bulletin*, no 34, pp. 36–44.
- Scott J. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Shanin T. (1972) *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society Russia 1910–1925*, London: Clarendon Press; Oxford: University Press.
- Shanin T. (1990) *Defining Peasants. Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from Them in the Contemporary World*, Oxford: Basil Blackwell.
- Sneath D. (2001) Notions of Rights over Land and the History of Mongolian Pastoralism // *Inner Asia*, no 3, pp. 41–58.
- Standal D., Sønvisen S.A., Asche F. (2016) Fishing in Deep Waters: The Development of a Deep-sea Fishing Coastal Fleet in Norway // *Marine Policy*, no 63, pp. 1–7.
- Strukova E., Guchgeldiyev O. (2010) *Study of the Economics of Bio-resources Utilization in the Caspian. Estimation of the Economic Value Lost from Degradation of the Caspian Fishery, Including the Effects of Sturgeon Poaching*. Caspeco Report.
- Wasserman S., Galaskiewicz J. (1994) *Advances in Social Network Analysis: Research in the Social and Behavioral Sciences*, SAGE Focus Edition.
- Wegren S. (2007) The State and Agrarian Reform in Post-communist Russia // *Journal of Peasant Studies*, vol. 34, no 3–4, pp. 498–526.

Towards the Theory of the Autonomous Community: Ex-polar Economy Structures in Coastal Fishing in Southern Russia

I. ERMOLIN*, P. SUVORKOV**

***Ilya Ermolin** – PhD in Politics, Associate Professor, Chair of Political Science and Sociology of Plekhanov Russian University of Economics. Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation; Visiting Fellow, School of Earth and Environment and School of Biology, University of Leeds. Address: Woodhouse Lane, Leeds LS2 9JT, United Kingdom. E-mail: ilyaer31@gmail.com; Ermolin.IV@rea.ru

****Pavel Suvorkov** – Intern Researcher, Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation; Researcher, Institute of Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University. Address: 14, Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russian Federation. E-mail: pavel_suvorkov@mail.ru

Citation: Ermolin I., Suvorkov P. (2020) Towards the Theory of the Autonomous Community: Ex-polar Economy Structures in Coastal Fishing in Southern Russia. *Mir Rossii*, vol. 29, no 2, pp. 156–178 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-156-178

Abstract

This paper discusses the social and economic dynamics within autonomous fishing communities in Southern Russia. We hypothesize that despite the path-dependency problem and the view that informal institutions can be successful only in the long term (both widely accepted by sociologists and neo-institutional economists), strong exogenous shocks can demolish old informal institutions, leading to either anomie or anarchy (or anomie followed by anarchy, when a parallel social order emerges and co-exists with the previously established one). One of the ways which social groups develop to overcome such anomie is the spontaneous development of criminal culture, which rapidly establishes a new set of informal institutions that can effectively resist exogenous regulatory, political and economic pressures. The current study focuses on the case of organized poaching activities in the Caspian Sea after the collapse of the USSR. It illustrates such situations of anomie which led to the marginalization of small-scale fisheries, the further development of autonomous fishing communities in the regions and the rapid rise of organized sturgeon poaching as the main survival strategy. The study shows that the most developed social groups of autonomous communities are placed in piedmont areas of Dagestan ensuring maximum self-regulatory effectiveness through kinship networks and religious practices.

Key words: “autonomous” community, sturgeon poaching, state regulatory policy, coastal fisheries, informal economy, marginalization, anomie

References

- Babajan V.K., Vasil'ev D.A., Bulgakova T.I. (2014) Otsenka ob'emov neuchtennogo vylova [Estimation of Unaccounted Catch Volumes]. *Trudy VNIRO*, no 151, pp. 18–26.
- Bell S., Hampshire K., Topalidou S. (2007) The Political Culture of Poaching: a Case Study from Northern Greece. *Biodiversity and Conservation*, vol. 16, no 2, pp. 399–418.
- Bobyrev A.E., Burmensky V.F., Kriksunov E.A., Shatunovskii M.I. (2009) Biotic Community of the Northern Caspian Sea: Problems of Biological Resources Management. *Uspekhi Sovremennoj Biologii*, vol. 129, no 6, pp. 598–609.
- Bruner J. (2004) Life as Narrative. *Social Research. International Quarterly*, vol. 71, no 3, pp. 691–710.
- Davydov V. (2014) Fishery in 'Free Spaces': Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village. *Polar Record*, vol. 50, no 4, pp. 379–390.
- Dmitrieva L. et al. (2013) Assessment of Caspian Seal By-Catch in an Illegal Fishery Using an Interview-Based Approach. *PLOS ONE*, vol. 8, no 6, pp. 1–7.
- Ermolin I., Svolkinas L. (2016) Who Owns Sturgeon in the Caspian? New Theoretical Model of Social Responses towards State Conservation Policy. *Biodiversity and Conservation*, vol. 25, no 14, pp. 2929–2945.
- Ermolin I., Svolkinas L. (2018) Assessment of the Sturgeon Catches and Seal Bycatches in an IUU Fishery in the Caspian Sea. *Marine Policy*, vol. 87, pp. 284–290.
- Ermolin I.V. (1) (2019) Predumyshlennyy prilov Kaspijskogo tyuleny i razvitie nelegal'nogo rynka bioresursov v Dagestane: ekonomiko-sotsiologicheskij podkhod [Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development of Illegal Wildlife Trade (IWT) in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 20, no 1, pp. 83–123.
- Ermolin I.V. (2) (2019) Fenomen «soprotivleniya»: ot spontannogo proyavleniya k kompleksnym otvetam [Conceptualizing the “Resistance”: from Disorganized Forms towards Complex Responses]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no 4, pp. 141–165.
- Ermolin I.V. (3) (2019) Istoricheskij kontekst razvitiya osetrovogo brakon'erstva i problema prilova kaspijskogo tyuleny (Pusa caspica) na Kaspii (del'ta Volgi i Respublika Dagestan, 1990–2000 gg.) [Sturgeon Poaching and Caspian Seal Bycatch near the Volga River Delta and the Republic of Dagestan: Case Studies 1990s–2000s]. *Desyataya mezhdunarodnaya konferentsiya «Morskie mlekopitayushchie Golarkтики»* [The 10th Anniversary International Conference “Marine Mammals of the Holarctic”]. Vol. 1, Moscow, pp. 112–121.
- Geertz K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures], Moscow: ROSSPEN.
- Hammersley M., Atkinson P. (1995) *Ethnography: Principles and Practice*, London: Routledge.
- Hardin G. (1968) The Tragedy of the Commons. *Science. New Series*, vol. 162, no 3859, pp. 1243–1248.
- Harrington J.E. (1995) Cooperation in a One-shot Prisoners' Dilemma. *Games and Economic Behavior*, vol. 8, no 2, pp. 364–377.
- Hart K. (1999) Neformal'nye dokhody i gorodskaya zanyatost' v Gane [Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana]. *Neformal'naya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and Beyond] (ed. Shanin T.), Moscow: Logos, pp. 532–537.
- Hobsbawm E.J. (1965) *Primitive Rebels*, New York: W.W. Norton & Co.
- Ichinkhorloo B., Yeh E.T. (2016) Ephemeral 'Communities': Spatiality and Politics in Rangeland Interventions in Mongolia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 43, no 5, pp. 1010–1034.
- Illegal Russian Crab: An Investigation of Trade Flow (2014). *WWF Arctic Field Program Report*. Available at: <https://www.worldwildlife.org/publications/illegal-russian-crab-an-investigation-of-trade-flow>, accessed 20.02.2020.
- Karpov Yu.Yu., Kapustina E.L. (2011) *Gortsy posle gor: migratsionnye protsessy v Dagestane v 20 – nachale 21 vekov: ikh sotsial'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy* [Mountainers after Mountains: Migration Processes in Dagestan in the 20th – the Early 21st Century: Their Social and Ethnocultural Implications and Prospects], Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

- Knudsen M. (2016) Poverty and Beyond: Small-Scale Fishing in Overexploited Marine Environments. *Human Ecology*, vol. 44, no 3, pp. 341–352.
- Lerman Z., Shagaida N. (2007) Land Policies and Agricultural Land Markets in Russia. *Land Use Policy*, vol. 24, no 1, pp. 14–23.
- Mamonova N., Visser O. (2014) State Marionettes, Phantom Organizations or Genuine Movements? The Paradoxical Emergence of Rural Social Movements in Post-socialist Russia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 41, no 4, pp. 491–516.
- Marcus G. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 95–117.
- Mearns R. (1996) Community, Collective Action and Common Grazing: The Case of Post-socialist Mongolia. *Journal of Development Studies*, vol. 32, no 3, pp. 297–339.
- Milner-Gulland E.J., Kholodova M.V., Bekenov A., Bukreeva O.M., Grachev I.A., Amgalan L., Lushchekina A. (2001) Dramatic Declines in Saiga Antelope Populations. *Oryx*, vol. 35, no 4, pp. 340–345.
- Nakhshina M. (2016) Constraints on Community Participation in Salmon Fisheries Management in Northwest Russia. *Marine Policy*, vol. 74, pp. 309–315.
- Nikulin A. (1998) Predpriyatiya i sem'i v Rossii: sotsiokul'turnyj simbioz [Firms and Households in Russia: Socio-cultural Symbiosis]. *Kuda idet Rossiya? Transformatsiya sotsial'noj sfery i sotsial'naya politika* [Where Is Russia Going? Changes in Social Sphere and Social Policy] (ed. Zaslavskaya T.), Moscow: Delo, pp. 218–230.
- Ostrom E. (2010) *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kolektivnoj deyatelnosti* [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action], Moscow: IRISEN.
- Pauly D. (1997) Small-scale Fisheries in the Tropics: Marginality, Marginalization and Some Implications for Fisheries Management. *Global Trends: Fisheries Management. American Fisheries Symposium 20, Bethesda* (eds. Pikitch E.K., Huppert D.D., Sissenwine M.P.), MD, pp. 40–49.
- Peletz M. (1995) Kinship Studies in Late Twentieth – Century Anthropology. *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 343–372.
- Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], Saint Petersburg: Aleteya.
- Pozanenko A. (2018) «Otdel'naja tipa respublikhka»: strukturnye osobennosti prostranstvenno izolirovannyh lokal'nyh sel'skih soobshhestv [“A Kinda Separate Little Republic”: Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities]. *Mir Rossii*, vol. 27, no 4, pp. 31–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55
- Reuter P. (1985) *The Organization of Illegal Markets: An Economic Analysis*. NIJ Research Report, Washington, DC: National Institute of Justice; US Department of Justice.
- Robinson S., Finke P., Hamaan B. (2000) The Impacts of De-collectivisation on Kazakh Pastoralists: Case studies from Kazakhstan, Mongolia and the People's Republic of China. *Journal of Central Asian Studies*, vol. 4, no 2, pp. 2–34.
- Rozhdestvenskaya E.Yu. (2012) *Biograficheskij metod v sotsiologii* [Life-Story Approach in Sociology], Moscow: HSE.
- Ruddle K. (2014) Tropical Small-scale Fisheries – Some Interwoven Issues. *SPC Traditional Marine Resource Management and Knowledge Information Bulletin*, no 34, pp. 36–44.
- Salins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics], Moscow: OGI.
- Scott J. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Shanin T. (1972) *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society Russia 1910–1925*, London: Clarendon Press; Oxford: University Press.
- Shanin T. (1990) *Defining Peasants. Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from Them in the Contemporary World*, Oxford: Basil Blackwell.
- Shanin T. (1990) Formy khozyajstva vne system [The Types of Economies beyond the Systems]. *Voprosy Filosofii*, no 8, pp. 109–115.
- Shanin T. (1999) Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoj Rossii [Ex-Polar Structures and Informal Economy in Present-Day Russia]. *Neformal'naya*

- ekonomika. Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and Beyond] (ed. Shanin T.), Moscow: Logos, pp. 11–32.
- Shevlyakov E.A. (2013) Struktura i dinamika nelegal'nogo beregovogo promysla tikhookeanskikh lososej v kamchatskom regione v sovremennyj period [Structure and Dynamic of Illegal Coastal Fishing of Pacific Salmon in Kamchatka during Modern Period]. *Rybnoe khozyajstvo*, no 2, pp. 58–64.
- Sneath D. (2001) Notions of Rights over Land and the History of Mongolian Pastoralism. *Inner Asia*, no 3, pp. 41–58.
- Soto E. (2008) *Inoj put'*. *Ekonomicheskij otvet terrorizmu* [The Other Path: The Economic Answer to Terrorism], Moscow: Sotsium.
- Sotsial'nye i ekonomicheskie indikatory RF: 1991–2015 [Social and Economic Indicators of the Russian Federation: 1991–2015]. *Federal State Statistics Service of Russian Federation*. Available at: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016, accessed 20.02.2020.
- Standal D., Sønvisen S.A., Asche F. (2016) Fishing in Deep Waters: The Development of a Deep-sea Fishing Coastal Fleet in Norway. *Marine Policy*, no 63, pp. 1–7.
- Starodubrovskaya I.V. (2015) Neformal'nye instituty i radikal'nye ideologii v usloviyakh institutsional'noj transformatsii [Informal Institutions and Radical Ideologies in the Process of Institutional Transformation]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 10, no 3, pp. 68–88.
- Starodubrovskaya I.V. (2016) Sotsial'naya transformatsiya i mezhpokolencheskij konflikt (na primere Severnogo Kavkaza) [Social Transformation and Intergenerational Conflict (the Example of North Caucasus)]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 111–124.
- Strukova E., Guchgeldiyev O. (2010) *Study of the Economics of Bio-resources Utilization in the Caspian. Estimation of the Economic Value Lost from Degradation of the Caspian Fishery, Including the Effects of Sturgeon Poaching*. Caspeco Report.
- Wasserman S., Galaskiewicz J. (1994) *Advances in Social Network Analysis: Research in the Social and Behavioral Sciences*, SAGE Focus Edition.
- Wegren S. (2007) The State and Agrarian Reform in Post-communist Russia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 34, no 3–4, pp. 498–526.
- Zharikov V.V. (2004) Dinamika ulovov v rajonakh promysla i sovremennaya struktura yaponskogo rynka morskogo ezha i produktov ego pererabotki [The Dynamics of Catch on Fishing Grounds and the Modern Structure of the Japanese Market of Sea urchin and Its Processing Products]. *Izvestiya TINRO*, no 138, pp. 97–119.